

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

УДК 903.27

Р. Беднарик

*Международная федерация организаций по изучению наскального искусства, Австралия
International Federation of Rock Art Organizations (IFRAO)
PO Box 216 Caulfield South, Vic. 3162, Australia
E-mail: ifrao@hotmail.com*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДАННЫХ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИСКУССТВА

Введение

На протяжении большей части XX в. вопрос о происхождении искусства обсуждался лишь на материалах Европы, главным образом Юго-Западной (мобильное и наскальное искусство предположительно эпохи верхнего палеолита). Весьма древние его формы с других континентов рассматривались очень поверхностно, а многими авторами и вовсе не принимались во внимание. Это привело к ошибочным моделям происхождения языка, самосознания и когнитивной способности человека.

В последнее время стали подвергать сомнению достоверность большей части данных, касающихся наскального искусства Европы эпохи верхнего палеолита. Основными факторами сегодняшнего кризиса в исследовании палеолитического изобразительного творчества, вероятно, являются следующие:

1) результаты традиционного датирования по стилистическим особенностям во многих случаях опровергнуты естественно-научными методами, в частности, достоверные даты, полученные для живописи из пещеры Шове [Clottes et al., 1995], делают несостоятельными все хронологические схемы, построенные на анализе стиля, в т.ч. А. Брейля и А. Леруа-Гурана;

2) поставлены под вопрос и сами стилистические параметры, в особенности их корреляция с упрощенными взглядами на традиции изготовления каменных орудий;

3) сомнительна идентификация изображенных объектов, включая и фигуры животных, доказана ее ненаучность и субъективность (ее нельзя проверить посредством логики К.Р. Поппера);

4) новая тафономическая теория [Bednarik, 1994a] привела к существенно иным трактовкам большинства имеющихся фактов;

5) неоднократно указывалось на значительные лакуны в наших знаниях;

6) проблемы подделок и ошибочных археологических идентификаций продолжают затруднять исследование палеоискусства, особенно Западной Европы [Bednarik, 1994b];

7) крайняя неравномерность в изученности палеоискусства различных географических регионов на протяжении прошлого столетия делает существующие данные беспорядочными и основывающиеся на них многие гипотезы несостоятельными;

8) отнесение наскального искусства голоцена по всей Евразии к эпохе плейстоцена указывает на серьезные проблемы с палеолитической атрибуцией петроглифов.

Избирательность в том, что рассматривать, а что нет, довольно очевидные проблемы датирования, недостоверность стилистических оценок любого вида древних наскальных изображений и тафономическая безграмотность показывают несостоятельность археологических исследований палеоискусства в XX в.

Согласно все еще доминирующей модели происхождения искусства, оно появилось на юго-западе Европы ок. 32 тыс. л.н., возможно, одновременно

с членораздельной речью и моделью поведения человека современного типа. В течение многих лет я выступал против этой модели. Наиболее непреклонными противниками гипотезы о доверхнепалеолитическом искусстве являются ученые, настаивающие на очень позднем появлении языка, а также сторонники теории “африканской Евы”. После указания мною на то, что достигшие Австралии по меньшей мере 60 тыс. л.н. мореплаватели эпохи среднего палеолита, вероятно, имели язык, без которого невозможно успешная навигация, мои оппоненты согласились с этим и видоизменили свою гипотезу: теперь первая высадка на берег Австралии стала самым ранним доказательством использования языка. Но подобное лишь демонстрирует их неосведомленность, поскольку мы уже 40 лет знаем, что *Homo erectus* неоднократно пересекали море много сотен тысячелетий назад [Bednarik, 1997a]. Эти данные публиковались в серии работ (ок. 10) между 1958 и 1972 г., но до 1995 г. они оставались неизвестными англоговорящему миру. Согласно критериям моих оппонентов, членораздельная речь появилась по меньшей мере 840 тыс. л.н.

Неосведомленностью объясняются и утверждения о том, что появление языка совпадает с началом верхнего палеолита в Европе или же что искусство не существовало до 32 тыс. л.н. По мнению многих исследователей, мы имеем лишь несколько человеческих захоронений и редкое использование охры, указывающие на более раннюю поведенческую модель, включающую деятельность неутилитарного характера. Ошибочны также утверждения, что личные украшения (бусы и подвески), гарпуны с зубцами, подземная добыча сырья или использование красящих веществ являются инновацией верхнего палеолита.

Я описал сотни случаев обратных свидетельств и поэтому здесь представлю лишь краткий обзор некоторых ключевых находок и обращусь к эпохе нижнего палеолита. Применение охры и гематита ориентировочно восходит к 800 тыс. л.н. и уже вполне обычно к 300 тыс. л.н. на трех занимаемых в то время гоминидами континентах, в т.ч. и использование кусочков наподобие мелка, с помощью которых делались отметки на поверхности камня. Близкого возраста и коллекция кристаллов кварца, отпечатков окаменелостей и других экзотических объектов, фиксируемых на протяжении всего плейстоцена. Самые древние известные протофигурки [Bednarik, 2003a], видоизмененный камень кварцита из Марокко и модифицированная галька вулканического шлака из Израиля также относятся к преобладавшей в то время ашельской традиции каменных орудий и датируются в интервале 500–233 тыс. л.н. С ашелем связаны и самые ранние петроглифы, преимущественно

представленные чашевидными углублениями, эта традиция продолжает свое существование на протяжении последующего мустье [Bednarik, 1995]. Около 300 тыс. л.н. появляются первые известные нам образцы мобильного искусства – фрагменты костей исчезнувших животных и каменные бляшки с насечками. Самые ранние предметы с отверстиями, предположительно используемые в качестве подвесок, оказывается, также имеют возраст несколько сотен тысяч лет, и в последующие периоды их количество неуклонно растет. Например, бусины из скорлупы яиц страуса, датируемые временем ок. 200 тыс. л.н., были обнаружены в результате раскопок памятника ашельской культуры в Сахаре, и еще более древние бусины из окаменелостей встречаются по меньшей мере в трех странах [Bednarik, 2003б].

Появление бусин свидетельствует о социальном контексте, в котором символизм имеет вполне определенные функции. Никто бы серьезно не рассматривал точку зрения, что постоянно изготавливаемые маленькие круглые перфорированные в центре изделия из скорлупы яиц страуса являлись не “декоративными” бусинами, а чем-либо иным (каково же еще могло быть их действительное назначение и применение?) или что клыки животных с проделанным у корня отверстием использовались в качестве крючков либо грузиков.

Объекты такого рода могут много сказать нам о технологических навыках сделавших их людей. Например, и бусины, и подвески предполагают наличие какой-либо нити: без нее совершенно бессмысленно браться за очень сложный процесс перфорирования зуба. Более того, требуется использование узлов, без которых почти невозможно соединить концы нити, поэтому из существования бусин и подвесок мы обоснованно можем сделать вывод о применении веревки и узлов. Мореплавание также предполагает использование канатно-веревочных изделий, а оно значительно предшествует появлению подвесок.

Возможно, самый важный вывод, который позволяют нам сделать такие предметы, как бусины и подвески, соотносится с необходимой для них культурной системой. Независимо от того, являются ли бусины маркерами личной или этнической идентичности, социального или политического статуса, они передают сложную символическую или социальную информацию об их владельце, а подразумеваемый контекст был бы невозможен без использования языка как системы коммуникации. Мы имеем и множество других свидетельств его вероятного использования в период нижнего и среднего палеолита (например, иные формы символической деятельности или успешная навигация по океану). Все это ставит под сомнение преобладающую до настоящего времени модель когнитивной эволюции.

Тафономическая логика

Понятие тафономии как раздела палеонтологии, изучающего процессы захоронения остатков ископаемых животных и растений, в 1940 г. ввел русский палеонтолог И.А. Ефремов [Efremov, 1940]. Привлечение тафономии к археологическим исследованиям началось в 1980-х гг., но остается ограниченным. В сфере изучения наскального искусства это привело к развитию основанной на идее тафономии аксиоматической формы логики, получившей название “тафономическая логика” [Bednarik, 1994a].

Вполне очевидно, что дисковидные бусины, сделанные из скорлупы яиц страуса, являются артефактами, которые не создавались в очень малом количестве каким-либо одним из сообществ. Их роль всегда была неутилитарной – идеологической или символической. Поэтому они изготавливались в больших количествах, поскольку обычно именно многократное использование придает символическим артефактам социальное значение. Однако имеющееся реальное количество среднепалеолитических бусин (всего несколько сотен) все еще незначительно, и находки не связаны между собой географически, поэтому необоснованно интерпретировать их, не обращаясь к тафономии.

Это приводит нас к вопросу первостепенной важности, без которого интерпретация самых ранних образцов палеоискусства становится бесполезной. Ни одно археологическое событие не может иметь вероятность сохранения 0 или 100 %. Это устанавливает понятие времени тафономического запаздывания, которое определяет временной промежуток между моментом возникновения явления и периодом его повторяющегося присутствия в т.н. археологических данных. Время тафономического запаздывания может колебаться от менее 1 до более 99 % продолжительности существования того или иного явления, в зависимости от типа сохраняющихся остатков. Так, для деревянных объектов оно гораздо больше, чем для каменных. Однако ни при каких условиях тафономический порог (момент, с которого изучаемое явление становится частым) не может совпадать с моментом первого появления данного феномена.

Для большинства археологических фактов времени тафономического запаздывания очень значительно. К примеру, в случае с судами оно составляет ок. 99 % реальной продолжительности существования явления. У нас нет материальных свидетельств использования судов ранее 9 тыс. л.н. (Стар Карр (Star Carr), Хольмгард (Holmgaard) – 9 000 л.н., Пессе (Pesse) – 8 020 л.н.). Для периода 8–6 тыс. л.н. их уже достаточно много, а после 6 тыс. л.н. мы, ко-

нечно же, имеем египетские и другие материалы. Таким образом, хронологическое распределение будет иметь форму классической параболической кривой, как того и требует тафономическая логика [Bednarik, 1994a, fig. 2]. Тафономический порог приходится на ранний голоцен. Однако у нас имеются неоспоримые данные о нескольких случаях пересечения моря, как минимум, 840 тыс. л.н. Это классический пример чрезвычайно длительного времени запаздывания.

Наскальная живопись становится распространенной по всему миру в самом конце плейстоцена или самом начале голоцена (в зависимости от региональных различий в литологии и климате), особенно с приходом в Евразию мезолитических технологий. Все сохранившиеся наиболее ранние изобразительные материалы являются счастливой случайностью, они не исчезли лишь в силу исключительных условий (например, благодаря местоположению в глубоких пещерах или кремнесодержащей защитной оболочке). Именно здесь возникает необходимость в поиске тафономического порога, и поскольку наскальная живопись имеет очень значительное время тафономического запаздывания, нам следует предположить, что краски или сухие красящие вещества впервые были использованы, вероятно, задолго до эпохи верхнего палеолита. Статистические и логические инструменты для квантификации этой теории довольно сложны, но их применимость была доказана математически [Ibid.].

Вероятно, петроглифы имеют менее длительное время тафономического запаздывания, и значительное их количество также, очевидно, появляется раньше. Самый большой массив палеолитических наскальных изображений находится в Австралии и всецело относится к традиции среднего палеолита [Foley, Lahr, 1997]. Среди незначительного числа образцов наскального искусства, датированных ранее соответствующего тафономического порога, петроглифы явно преобладают и свидетельствуют о существовании известного наскального искусства в мире ранее ориентировочно 32 тыс. л.н.

Палеоискусство появилось несколько сотен тысяч лет назад. Тафономическая логика требует, чтобы на протяжении большей части периода его существования проявлялись лишь очень редкие, обособленные и не связанные между собой по месту и времени свидетельства, и именно это мы имеем исходя из фактов. Нелогичное объяснение некоторых археологов, что “неожиданно ранние” находки указывают на “опережение” с точки зрения когнитивной и технологической эволюции [Vishnyatsky, 1994], возможно, является самой большой теоретической ошибкой, когда-либо допускаемой в археологии плейстоцена.

Искусство нижнего палеолита

Искусство нижнего палеолита было обнаружено уже более 150 л.н. и остается совсем непринятым во внимание, неверно истолкованным или, как минимум, спорным. Имеющиеся на сегодня достоверные данные о символичности и неутилитарном характере поведения человека этой эпохи кратко представлены ниже. Материальные свидетельства такого рода называют палеоискусством; является ли оно искусством в принятой на сегодняшний день терминологии, в данном случае не имеет значения. Главное то, что такие материалы являются решающими в оценке когнитивного и интеллектуального статуса гоминидов рассматриваемой эпохи. Их легко можно разделить на несколько групп: образцы мобильного искусства с отверстиями, вероятно использовавшиеся в качестве бусин или подвесок, петроглифы, свидетельства использования красящих веществ, статуэтки, гравировки на предметах малых форм и объекты, не имеющие следов видоизменения человеком, очевидно хранившиеся по причине некоторой выдающейся особенности (манупорты).

Образцы палеоискусства, относящиеся к столь раннему времени, все еще крайне редки, и среди указанных в качестве таковых есть и имеющие неопределенный статус или же справедливо опровергнутые. Представленные ниже материалы отобраны из большого массива описанных находок и включают экземпляры, либо являющиеся неопровержимыми примерами символизма, либо имеющие настолько убедительный вид, что заслуживают серьезного рассмотрения в данном контексте. Я лично изучил множество наиболее значимых свидетельств, и упоминание их здесь говорит о том, что в результате тщательного анализа их достоверность признана мною.

Бусины и подвески

Как известно, существование палеолитической культуры впервые было продемонстрировано Ж. Буше де Перт (1788–1868). Но вскоре забыли, что наряду с “рубилками” и костями животных в Аббевилле и Сэнт-Ашеле он и М.-Ж. Риголло обнаружили и большое количество окаменелых фрагментов губок (*Coscinopora globularis*) с отверстиями в центре, может быть являвшихся манупортами [Boucher de Perthes, 1846]. Риголло считал, что их использовали в качестве бусин (см.: [Prestwich, 1859, p. 52]), тогда как Дж. Прествич, также нашедший несколько экземпляров, не пришел к какому-либо выводу, однако указал, что некоторые отверстия оказались искусственно увеличенными. Поскольку эти находки не привлекли особого внимания, о них забыли, пока В.Г. Смит [Smith, 1894, p. 272–276] не обнаружил ок. 200 иден-

тичных образцов (имеющих искусственное увеличение естественного отверстия) во время раскопок ашельского памятника в Бедфорде (Англия). По мнению исследователя, их использовали в качестве бусин, что с учетом аналогичных французских находок, относящихся к тому же периоду, действительно вероятно. Л. Кили [Keeley, 1980; p. 164] изучил несколько английских образцов и подтвердил: их несколько видоизмененные отверстия не вызывают сомнения. Н. Горен-Инбар [Goren-Inbar, Lewy, Kislev, 1991] обнаружил подобные дискообразные окаменелости с отверстиями при раскопках ашельского памятника Гешер Яков (Gesher Ya'aqov) в Израиле, правда, они являются сегментами морских лилий (*Millericrinus* sp.) и следов видоизменения не отмечено. Мною было проведено микроскопическое исследование 325 французских и английских шарообразных образцов *Coscinopora globularis**, которое показало, что большое их число имеет значительные видоизменения, а вокруг отверстий у многих есть отчетливые следы изношенности, указывающие на ношение предметов нанизанными на шнурок в течение длительного времени. Поэтому я считаю их функциональный статус бусин достоверно установленным (рис. 1).

Мой вывод подтверждается и обнаружением дисковидных бусин, изготовленных из скорлупы яиц страуса, на памятнике позднего ашеля Эль-Грейфа (El Greifa) в Ливии [Ziegert, 1995; Bednarik, 19976]. Согласно результатам Th/U-датирования и другим данным, им ок. 200 тыс. лет, и мои эксперименты по воспроизведению процесса изготовления этих бусин показали, что он весьма сложный. Сначала были найдены лишь три поврежденных экземпляра, но позднее появились еще. Кроме того, не вызывает сомнения подлинность двух подвесок из пещеры Реполуст (Repolust) в Штирии (Австрия) [Bednarik, 1992, 19976], отверстия в которых, несомненно, сделаны человеком, но этим находкам [Mottl, 1951] не придали никакого значения. Резец волка с просверленным отверстием (рис. 2) и сделанный путем скальвания костяной наконечник были найдены вместе с большим комплексом каменных изделий, описываемым по-разному: как леваллуазский, тейяжский и клетонский, вероятно, поздней нижнепалеолитической индустрии. Он находился значительно ниже ориньяжского слоя, будучи отделенным от него мощными обломочными отложениями. Для указанного памятника нет достоверных дат, но согласно палеонтологическим данным (в особенности филогенезу медведей), этот горизонт, вероятно, имеет возраст порядка 300 тыс. лет.

* С 1840-х гг. их идентифицировали неверно, все они представляют вид *Porosphaera* PHILLIPS 1829, разновидность губки мелового периода [Bednarik, in press (a)].

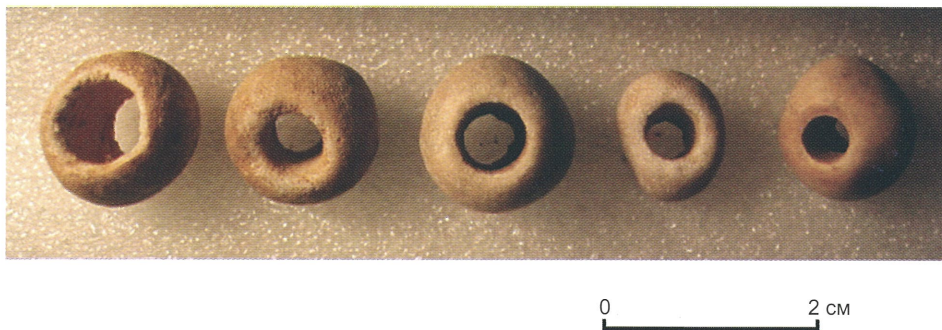

Рис. 1. Бусины из фрагментов окаменелых губок, относящиеся к ашелю. Бидденхам (Biddenham) в Бедфорде, Англия.

Петроглифы

Если некоторые (хотя, конечно, не все) похожие на бусины находки могут иметь альтернативные интерпретации или даже трактоваться как не связанные с деятельностью человека, то антропогенное происхождение петроглифов уже доказано. Среднепалеолитические наскальные изображения – обычное явление, фактически их даже больше, чем верхнепалеолитических [Bednarik, 1995, p. 628]. Количество петроглифов, несомненно относящихся к нижнему палеолиту, остается довольно небольшим, но следует помнить, что почти все они обнаружены в последнее десятилетие.

Первые отнесенные к ашелю образцы наскального искусства – 11 петроглифов из пещеры “Амфитеатр” (Auditorium) комплекса Бхимбетка (Bhimbetka) в индийском штате Мадха Прадеш [Bednarik, 1993a, 1994b]. Девять чашеобразных углублений (лунок) располагались на возвышающейся над поверхностью земли части крупного валуна, тогда как десятая лунка и меандрический желобок, очевидно связанный с ней, были обнаружены при раскопках, они находились в самой верхней части мощного культурного горизонта позднего ашеля, перекрытой сильно карбонатистыми среднепалеолитическими отложениями, что практически исключает возможность постдепозиционных нарушений. Пещера сформирована в сильно метаморфизованном кварците – очень твердой породе. Ее использование в качестве сырья для изготовления орудий фиксируется на нескольких памятниках комплекса Бхимбетка. Еще в одной индийской пещере в кварците Дараки-Хаттан (Daraki-Chattan) обнаружили две вертикальные плоскости, густо покрытые 498 лунками [Kumar, 1996]. Поскольку каменные орудия, без сомнения относящиеся к среднему палеолиту и ашелю, были найдены на поверхности пола пещеры, эти чашеобразные углубления, вероятно, также очень древние (рис. 3). Два других памятника с лунками – в Раджастане на открытых

Рис. 2. Резец волка с просверленным у корня отверстием. Пещера Реполуст (Repolust Cave), Австрия.

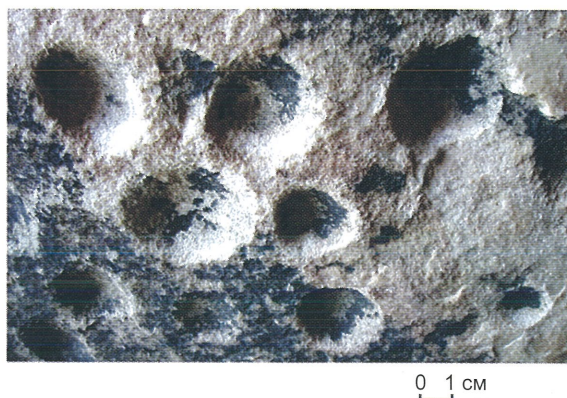

Рис. 3. Чашеобразные углубления на вертикальной плоскости кварцита, относящиеся к ашелю. Пещера Дараки-Хаттан (Daraki-Chattan Cave), Индия.

валунах и в нише в кварците – также предположительно очень древние, хотя здесь доказательства остаются косвенными [Kumar, Sharma, 1995]. В связи с этими находками мною был предложен проект по изучению ранних индийских петроглифов (EIP) международной группой экспертов [Bednarik, 2000, 2001a; Kumar et al., 2003]. В рамках проекта в 2002 г. начались крупные раскопки на объектах Бхимбетка

и Дараки-Хаттан. В результате на последнем в пределах палеолитического горизонта были найдены многочисленные отслоившиеся фрагменты стены. На этих каменных плитах в общей сложности ок. 20 лунок, идентичных обнаруженным на стенах, и поскольку раскопки не завершены, мы предполагаем, что будут и еще. Каменные орудия, характеризующиеся чертами индустрий нижнего и среднего палеолита, найдены в тех же и вышележащих слоях, не имеющих постдепозиционных нарушений. OSL-датирование отложений в Дараки-Хаттан и на двух памятниках комплекса Бхимбетка еще не закончено.

Необходимо также обратить внимание и на три находки в южной части Африки. Во-первых, это фоновитовая галька со стоянки FLK-N1 с уровня 1 ущелья Олдувай [Leakey M.D., 1971, p. 269, pl. 17], имеющая выбитые углубления, по одному с каждой стороны (рис. 4). Ее возраст оценивается временем перехода от плиоцена к плейстоцену, что, возможно, исключает принадлежность этой гальки к объектам палеоискусства, и, может быть, она имела утилитарное назначение. Тем не менее не следует априорно отбрасывать вероятность того, что лунки на ней являются ранними формами чашеобразных углублений.

Вторая находка из того же региона, которую необходимо упомянуть здесь, – терочный камень, относящийся к индустрии фаурсмит и имеющий частично выбитый решетчатый узор. Его обнаружил П.В. Лейдлер [Laidler, 1933] в устье р. Блайнд (Blind River) в Ист-Лондоне (ЮАР). Фаурсмит с мелкими, хорошо изготовленными рубилами – это индустрия позднего ашеля внутренней области Южной Африки, и П. Бомон (устное сообщение) считает, что возраст комплекса с таким объектом порядка 400 тыс. лет.

В 2001 г. П. Бомон (устное сообщение) обнаружил ряд древних памятников с чашеобразными углублениями в области Кораннаберг (Korannaberg) в южной части Калахари. Подобно очень ранним индийским лункам, они были сделаны на очень твердом кварците.

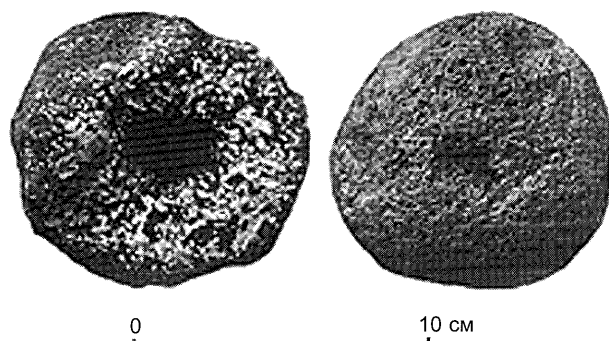

Рис. 4. Галька из ущелья Олдувай, имеющая чашеобразные углубления с обеих сторон (по: [Leakey M.D., 1971]).

Из этого материала изготовлена и большая часть найденных там каменных орудий. Артефакты относятся к среднему палеолиту (более 120 тыс. л.н.), фаурсми-ту (более 400 тыс. л.н.) и ашелю (еще старше). Находку П. Бомона еще необходимо подробно изучать, и она, без сомнения, заслуживает внимания в контексте очень раннего наскального искусства.

Использование красящих веществ

Нижнепалеолитические петроглифы все-таки довольно редкое явление, а свидетельства использования окислов и гидроокисей железа предположительно в качестве красящего вещества обнаружены на многих памятниках Старого Света. Кусочки гематита и подобных минералов с бороздчатыми следами утилизации известны по нескольким стоянкам нижнего палеолита в различных частях Африки, Европы и Индии [Bednarik, 1992, 1994г].

В пещере Вондерверк в Южной Африке многочисленные куски охры встречаются на всех уровнях вплоть до скального основания, самые нижние из которых, вероятно, относятся к ранней стадии среднего плейстоцена [Imbrie et al., 1984; Beaumont, 1990, 1999; Binneman, Beaumont, 1992; Bednarik, 1994б]. Более древними являются два куса “охры”, найденные на стоянке ВК-2 в ущелье Олдувай с развитой олдувайской индустрией [Leakey L.S., 1985], но впоследствии они были идентифицированы как красный вулканический туф [Oakley, 1981, p. 207], и следовательно, это спорное свидетельство. Кусок гематита из пещеры Кабве возле Брокен-Хилл в Замбии, вероятно, имеет возраст порядка 300 тыс. лет, следует обратить внимание и на сфероидальный камень с красными пятнами с того же памятника [Clark et al., 1947]. Дж. Д. Кларк также предоставляет факты использования красящих веществ на ашельской стоянке Каламбо-Фоллз в Замбии, имеющей возраст ок. 200 тыс. лет [Clark, 1974]. Несколько старше более поздняя находка – явно потертый кусок гематита из Нуитгедахта (Nooitgedacht) в Южной Африке [Guide..., 1990]. Также следует упомянуть следы красной краски на фигурке Тан-Тан из Марокко, несмотря на их микроскопические размеры. Имея возраст ок. 400 тыс. лет, они являются самыми ранними из известных на сегодня свидетельств использования красящих веществ [Bednarik, 2001б, 2003а].

Все это отдельные случайные находки, тогда как более поздние среднепалеолитические памятники Южной Африки давно демонстрируют присутствие значительного количества железистого красителя, в т.ч. и вполне убедительные свидетельства его добычи [Stapleton, Hewitt, 1928; Beaumont, Boshier, 1972; Beaumont, 1973; Miller et al., 1999; Grün, Beaumont, 2001; Henshilwood et al., 2001, 2002]. Однако в после-

днее время сильно увеличилось количество подобного материала периода нижнего палеолита. Он включает более 70 кусков красной охры, в т.ч. со следами утилизации в виде фасеток с бороздками, общим весом свыше 5 кг с памятника GnJh-15 в формации Каптурин в Кении, возраст которых больше 285 тыс. лет. [McBrearty, 2001, p. 92]. Более 300 кусков спекулярита, гематита, лимонита, охристого песчаника и двуокиси марганца, датированных в интервале 270–170 тыс. л.н., было обнаружено при раскопках у Туинс Риверс (Twins Rivers) в Замбии [Barham, 2002]. Особенно значимо то, что 3 % материала имеет следы дробления или затирания. Это подтверждает использование железистого красно-коричневого красителя в период нижнего палеолита, впервые зафиксированное А. Маршакком [Marshack, 1981] в Европе и мною – в Азии. А. Маршак описал 33-миллиметровый кусочек гематита с бороздками на двух гранях, обнаруженный в ашельском слое памятника Бечов в Чехии. Пол около находки был покрыт измельченными частицами этого минерала, что говорит об активном изготовлении здесь красящего порошка. Из примерно 20 кусочков гематита, найденных в ашельском слое на стоянке Хунгси (Hungsi) в Индии, один образец размером 20 мм имеет отчетливую грань с субпараллельными бороздками, указывающими на использование его в качестве мелка для окрашивания поверхности камня [Bednarik, 1990]. Нам не известно, как могли выглядеть эти цветные следы, но то, что они были сделаны, увеличивает возможность существования некоей формы цветного наскального изображения. Ранее опубликованные материалы некоторых ашельских памятников Европы также включали предполагаемые свидетельства использования охры. На стоянке Терра Амата во Франции среди 75 кусков красного, коричневого и желтого обожженного лимонита, залежавших в слое, возраст которого ок. 380 тыс. лет, отмечено несколько очевидно фасетированных [Lumley, 1966]. Оформленная пластина охры была найдена в ашельском слое стоянки Амброн в Испании [Nowell, 1966, p. 129], а “потертый” кусок гематита с памятника Ашенхейм (Achenheim) во Франции, по всей вероятности, имеет возраст ок. 250 тыс. лет [Thévenin, 1976].

Вышеперечисленные находки указывают, что красители использовались в Южной Африке на протяжении большей части, а то и всего периода среднего палеолита, а на территории Старого Света – по крайней мере, большую часть второй половины этого периода. Красящие вещества могут использоваться для раскраски тела, окрашивания предметов (как показывает фигурка Тан-Тан) или нанесения изображений на каменные поверхности. Все эти занятия предполагают сложные виды культурной деятельности и, вероятно, использование символизма.

Протофигурки

Существование фигурок в эпоху нижнего палеолита недавно серьезно рассматривалось, и на сегодняшний день у нас есть всего два образца, имеющих право называться статуэтками, для чего необходимо, чтобы фигурка не просто напоминала представляемый ею объект, а имела следы видоизменения человеком с целью подчеркивания этого сходства.

При раскопках мощного позднеашельского горизонта на стоянке Берехат-Рам (Израиль) была обнаружена галька базальтового туфа с включениями вулканического шлака, имеющая возраст более 230 тыс. лет [Goren-Inbar, 1985]. Ее естественные очертания, напоминающие голову, торс и руки женщины, усилены сделанными человеком желобками. Это указывает на то, что антропоморфные черты объекта были замечены и оценены [Goren-Inbar, 1986; Goren-Inbar, Peltz, 1995]. В последующие годы большинство авторов оставили без внимания данную находку, даже не изучив ее [Chase, Dibble, 1987; Davidson, 1990; Pelcin, 1994; Noble, Davidson, 1996; Davidson, Noble, 1998]. Проведенное микроскопическое исследование [Marshack, 1996, 1997] привело к заключению, что желобки и затертости были сделаны посредством каменных орудий. Это также подтвердили Ф. д’Эррико и А. Новелл [d’Errico, Nowell, 2000]. Они признали статус артефакта указанного объекта, но, несмотря на то что назвали его статуэткой, все-таки высказали сомнения относительно выразительности антропоморфных черт.

Вторая каменная статуэтка была найдена на памятнике Тан-Тан в Марокко. Объект из кварцита залегал в горизонте, относящемся по типологии каменного инвентаря к среднему ашелю, который ориентировочно датирован ок. 400 тыс. л.н. [Bednarik, 2001b, 2003a]. Антропоморфные очертания фигурки еще более ярко выражены, чем у находки из Израиля, и усилены восемью желобками (рис. 5), пять из них были видоизменены человеком. Кроме того, микроскопические следы ярко-красного красителя, вероятно, указывают на то, что статуэтка когда-то была покрыта красной краской.

Гравировки

Археологическое сообщество все еще не имеет однозначного мнения относительно статуса нескольких гравированных объектов эпохи нижнего палеолита. Больше всего их найдено на крупном (площадь раскопок более 1000 м²) памятнике гольштейнского межледниковья Бильцингслебен (Bilzingsleben) в Германии [Mania D., 1991]. Здесь была обнаружена не включающая бифасы индустрия (орудийный набор ок. 100 тыс. единиц) вместе с многочисленными скелетными

Рис. 5. Статуэтка из кварцита, относящаяся к среднему ашелю. Тан-Тан, Марокко.

остатками *Homo erectus* либо массивных архаичных сапиеноидов (учитывая дату – ок. 300 тыс. лет – скорее последнее). На этой озерной стоянке найдены шесть явно гравированных фрагментов костей, главным образом принадлежащих лесному слону, и одна гравировка на плите кварцита [Mania D., Mania U., 1988; Bednarik, 1988, 1993б, 1995]. Общепризнано, что желобки на данных объектах сделаны острыми концами костяных орудий, но некоторые исследователи истолковали их как случайные следы утилитарной деятельности. Однако D-образная отметка на каменной плите демонстрирует многократное приложение орудия для придания более совершенной формы сложному изогнутому участку. Поскольку большинство других гравировок представляет собой просто группы линейных желобков, был проведен лазерно-микроскопический анализ четырех фрагментов костей, который показал, что эти желобки не случайные [Steguweit, 1999]. Пять из субпараллельных желобков на костяном изделии № 3 были сделаны одним и тем же каменным орудием [Bednarik, 1988], а прямоугольное изображение на плюсневой кости слона слишком сложное, чтобы считать его случай-

ным [Bednarik, 1995, p. 609]. Более того, оно напоминает выгравированный прямоугольный узор на плите гематита, имеющей возраст 77 тыс. лет, из пещеры Бломбос [d'Errico, Henshil-Wood, Nilssen, 2001] и даже схоже с верхнепалеолитическими находками. Эти и другие факты опровергают отнесение данных отметок к следам утилитарных действий. И наконец, один из трех гравированных фрагментов кости из карьера Олдислебен-1 в Тюрингии (Германия), найденных с индустрией микок и эемским фаунистическим комплексом [Bednarik, in press (б)], имеет отметки, почти такие же, как на образце № 1 из Бильцингслебена: на фрагменте лопатки две, бесспорно, не случайно сделанные группы выгравированных параллельных линий (всего их ок. 20), расположенных таким же образом, как и на изделии из Бильцингслебена (рис. 6). Эти и другие постоянные черты, обнаруживаемые на самых ранних известных образцах палеоискусства, указывают, что даже в столь отдаленные времена уже существовали условности, которые можно определить как “традиции” [Bednarik, 1995; Hodgson, 2000].

Статус подобным образом отмеченной кости слона из Странска-Скала (Чехия) – еще с одного места обитания гоминидов в Центральной Европе [Valoch, 1987] – следует прояснить, хотя по характеру отметок она действительно напоминает другие более ранние находки. Линии на фрагменте ребра быка времен ашеля с Пеш-дель-Азе (Франция) [Bordes, 1969; Marshack, 1977], по всей вероятности, являются естественным явлением. А антропогенное происхождение десяти коротких нарезок вдоль края фрагмента кости с памятника ашеля Сэнт-Анн I во Франции кажется очевидным [Crémades, 1996]. Фрагмент бивня мамонта с памятника Вюлен (Whylen) близ Лёрраха (Lörrach, Германия) имеет ряд из ок. 20 коротких наклонных выемок, интервалы между ними настолько равные, что эти выемки кажутся условными обозначениями [Moog, 1939] (рис. 7). Поскольку фрагмент бивня был обнаружен в лессовых отложениях периода ресса, то, возможно, он того же возраста, что и кость лошади со схожими отметками из Полиньяка (Верхняя

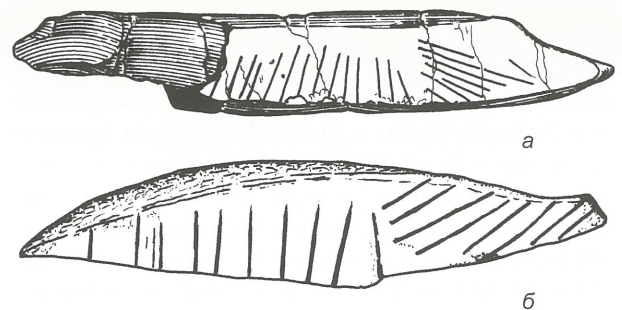

Рис. 6. Гравированные фрагменты кости из Германии. а – нижний палеолит, Бильцингслебен; б – микок, Олдислебен-1.

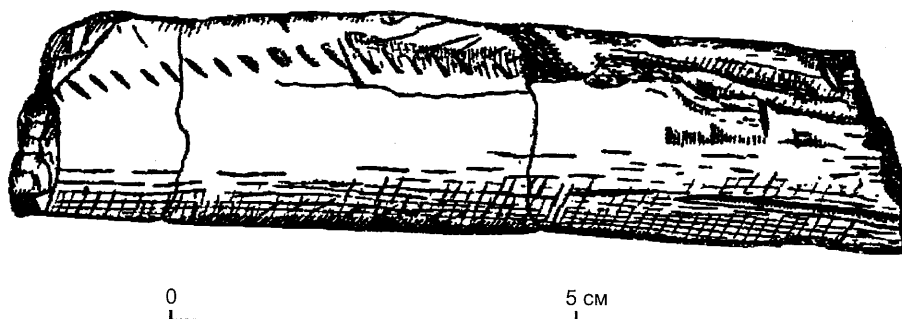

Рис. 7. Фрагмент бивня слона периода ресса, имеющий ряд выгравированных выемок, Вюлен (Whylen), Германия.

Луара, Франция), относящаяся к финальной стадии нижнего палеолита. Наконец, в пещере Вондерверк (Wonderwerk) в Южной Африке найдены два фрагмента полосчатого железняка, имеющие группы изогнутых субпараллельных линий, сделанных каменными орудиями. Они относятся к позднему фаурсмиту, датированному в интервале 420–260 тыс. л.н. [Imbrie et al., 1984], и, следовательно, хронологически близки находкам из Бильцингслебена.

Имея в своем распоряжении около дюжины достоверных образцов мобильного искусства, мы должны признать, что количество гравировок нижнего палеолита остается незначительным. Но сходство этих находок, особенно использовавшихся способов нанесения отметок [Bednarik, 1995; Hodgson, 2000], требует их серьезного рассмотрения. Есть характерные признаки: отметки, несомненно сделанные посредством каменных орудий, зависят в большинстве случаев от формы грани. Почти все образцы демонстрируют продуманное расположение отдельных отметок, к тому же имеются и другие свидетельства, указывающие на целенаправленные действия. Учитывая, что достоверно доказано использование красящих материалов со времен конечной поры нижнего палеолита, а в некоторых случаях нанесение цветными мелкими отметками на поверхностях камня одним движением, вполне разумно предположить, что подобные отметки пытались сделать и путем трения или высекания. Такое действие широко использовалось в утилитарной технологии того времени, о чем свидетельствуют деревянные артефакты.

Манупорты

Невидоизмененные предметы, которые люди современного типа или гоминиды собирали, переносили с собой и хранили, могут быть зафиксированы в горизонтах обитания, где их присутствие нельзя объяснить естественными причинами. Отличительной чертой манупортов является наличие некоторых выдающихся

качеств, что предположительно и стало причиной их приобретения. Собираемые причудливые предметы свойственно не только гоминидам, подобное наблюдается, например, у птиц.

Наиболее ранний манупорт датируется самым началом филогенеза гоминидов, ок. 3 млн л.н. До недавнего времени его приписывали *Australopithecus africanus*, но с обнаружением *Kenyanthropus platyops* (3,5 млн л.н.) появился еще один возможный вариант. Крупная галька яшмы из Макапансгата была найдена в 1925 г. при раскопках содержащей окаменелости и костные остатки представителей рода австралопитеков брекчии 3 в доломитовой пещере Лаймуорк (Limeworks) в долине Макапан (Южная Африка) [Eitzman, 1958; Dart, 1974]. Ее историю восстановили путем микроскопического исследования поверхности [Bednarik, 1998]. Отличительные отметки на гальке, особенно наиболее выразительные “глаза” и “рот” (рис. 8), вероятно, явились причиной того, что ее подобрали на расстоянии, как минимум, нескольких километров от места обитания австралопитеков или каких-либо других, еще более ранних гоминидов. Эта находка остается совершенно уникальной. Более распространенный вид манупортов на ранних стоянках – кристаллы горного хрусталя призматической формы. Они иногда настолько малы, что просто не могли иметь какое-либо утилитарное назначение, вероятно, их очевидные внешние качества привлекали внимание. Горный хрусталь призматической формы встречается во всех ашельских горизонтах обитания пещеры Вондерверк (Wonderwerk), самый нижний из которых предположительно имеет возраст ок. 800–900 тыс. лет (устное сообщение П. Бомона). На стоянке времен нижнего ашеля Синги Талав (Singi Talav) в Индии зафиксировано шесть цельных невидоизмененных кристаллов кварца в форме призмы (их длина от 7 до 25 мм). Они отличаются минералогически, что указывает на происхождение с разных друз, вероятно, их принесли независимо друг от друга [d’Errico, Gaillard, Misra, 1989]. Кристаллы кварца еще меньшего размера были найдены в ашельском слое при раскопках

Рис. 8. Плиоценовая галька яшмы, манупорт. Макапансгат, Южная Африка.

на стоянке Гешер Бенот Яков (Gesher Benot Ya'akov), в Израиле [Goren-Inbar, Lewy, Kislev, 1991]. На китайском памятнике Чжоукоудянь обнаружены приблизительно 20 кристаллов кварца вместе с костными остатками *Homo erectus* [Pei, 1931, p. 120]. Крупный фрагмент кристалла горного хрусталя был найден в ашельском слое в Гуденухёле (Gudenushöhle, Австрия) вместе с несколькими более мелкими осколками этого стеклообразного материала [Bednarik, 1992].

Как ни странно, наиболее часто приводимым примером свидетельств “символического знания” в эпоху нижнего палеолита является рубило из Вест-Товтс (West Tofts) в Норфолке [Oakley, 1981]. Хотя вполне возможно, что хорошо сохранившийся отпечаток окаменелостей на его поверхности был замечен создателем данного артефакта [Feliks, 1998], это нельзя доказать. Отпечатки окаменелостей время от времени встречаются во всех осадочных кремнеземах, и существует статистическая вероятность, что подобная особенность могла оказаться на крупном каменном орудии случайно.

Точно так же антропоморфного вида кусок доломита из пещер Мумбва в Замбии [Barham, 2000] вполне может быть манупортом, но, поскольку, как оказалось, он был либо найден, либо видоизменен гоминидами, его статус остается неясным. Эту находку обнаружили в обломочной породе, ассоциированной с основанием ветрозащитного заслона, и датировали кислородно-изотопной стадией 5e. Манупорт из Ерфуда (Erfoud, Марокко) также был найден в рамках

ветрозащитного заслона или жилища позднего ашеля [Bednarik, 1992]. Эта окаменелость *Orthoceras* sp. по форме, размеру и текстуре поверхности отчетливо напоминает фаллос. Ископаемые каракатицы довольно распространены в других частях Марокко, но они не встречаются в естественном виде на месте обнаружения находки, следовательно, это также манупорт эпохи нижнего палеолита.

Обсуждение

Таким образом, становится очевидным, что распознавание трехмерного иконического изображения было доступно и в период нижнего палеолита. В настоящее время у нас имеются достаточные доказательства использования охры в эпоху среднего плейстоцена, что, возможно, подразумевает наложение красителей на каменные поверхности. Более того, гравированные изображения этого периода предполагают существование отчетливых, пусть зачаточных, традиций, а именно поведенческую модель маркировки, которую можно назвать “пространственно определенное машинальное рисование” и которая имеет место и сегодня. Еще более отчетливая модель поведения – создание чашеобразных углублений, – фиксируемая в период ашеля и позднее среднего палеолита от Франции (Ла Феррасси) до Австралии, также сохранилась до исторических времен. Имея эти данные, неразумно продолжать отрицать, что традиции палеоискусства уже существовали в эпоху нижнего палеолита. Использование бусин и подвесок, доказанное, как минимум, для поздней поры указанного периода, конечно же, подразумевает существование сложных социальных систем, поскольку вне такого контекста эти исключительно символические изделия просто не могли бы иметь какое-либо значение или назначение.

Подобные наблюдения указывают на ошибочность наших оценок когнитивного и культурного уровня древних людей. В настоящее время мы допускаем, что такие гоминиды, как *Sahelanthropus tchadensis*, возможно, начали распространяться 7 млн л.н. и почти 3 млн л.н. гоминид посчитал крайне интересной гальку, найденную нами в Макапансгате, которую он носил с собой [Bednarik, 1992]. Вполне разумно предположить развитие со временем этого любопытства. Просто абсурдно считать, что за 7 млн лет у гоминидов не произошло почти никакой когнитивной эволюции, а затем в последней трети позднего плейстоцена, что составляет 0,5 % длительности эволюции гоминидов, последовал огромный “всплеск” их когнитивных способностей. Однако именно этого мнения придерживались палеоантропологи и археологи, в особенности англо-американской археоло-

логической школы, в течение нескольких последних десятилетий. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что гоминиды были мореплавателями с поздней поры раннего плейстоцена, т.е. ок. 1 млн л.н. [Bednarik, 1999, 2001в; Bednarik, Kuckenburg, 1999]. Следовательно, преобладавшая в последних обсуждениях модель прерывистости или кратковременности эволюции человека (т.е. “модель африканской Евы”) почти бесспорно является ошибочной. Куда более вероятно, что рост когнитивных способностей происходил постепенно, в течение длительного времени, возможно, приблизительно отражая увеличение емкости черепа в тот же период. Это также относится к языку и речи, без сомнения доступным первым мореплавателям, и другим фундаментальным способностям человека, таким как создание концептов действительности и самого себя, а также неутилитарных систем, способствовавших развитию культурных и социальных конструктов. Все это получило свое развитие задолго до прихода людей, которые сейчас считаются кульминацией эволюции, *Homo sapiens sapiens*.

Опровергается традиционное в археологии мнение об отсутствии у гоминидов нижнего палеолита признаков человеку когнитивных способностей: значительное число находок того периода указывает на то, что эти гоминиды дали начало традициям палеоискусства. Хотя количество находок каждой категории остается недостаточным для того, чтобы в деталях представить процесс зарождения искусства, отчетливые закономерности в их встречаемости облегчают формулирование первоначальных гипотез. Соответственно, самое раннее сохранившееся палеоискусство главным образом представлено гравированными линиями с простейшей пространственной организацией, не имеющими четкой структуры группами чашеобразных углублений и минимально видоизмененными антропоморфными протофигурками. Особое значение для решения проблем когнитивной эволюции и самосознания имеют бусины и подвески: их присутствие в археологических материалах нижнего палеолита, без сомнения, указывает на наличие у этих гоминидов форм символизма, более того, подразумевает существование достаточно развитых социальных структур, необходимых для возникновения традиций, с которыми связано использование бусин.

Все эти данные противоречат традиционной парадигме, и тафономическая логика исчерпывающе разъясняет причины почти полностью ошибочной интерпретации данных в археологии плейстоцена. Период нижнего палеолита скорее являлся временем важных перемен и когнитивного развития, положивших начало всему последовавшему далее, чем эпохой минимальной культурной эволюции. Таким образом, археология совершенно неверно толковала про-

цессы очеловечивания. Гоминиды стали людьми не в результате физических изменений скелета и не путем совершенствования ими каменных орудий (почти исключительно только эти артефакты рассматривались до настоящего времени), а благодаря развитию способности создания концептов действительности и самих себя. Свидетельства такого рода до сих пор не изучались последовательно, но подобная методология, вероятно, получит свое развитие на протяжении этого столетия. Она может развиваться лишь за рамками традиционной археологии, которая за два века показала себя неспособной эффективно искать пути решения вопросов, связанных с когнитивной эволюцией гоминидов.

Список литературы

- Barham L.S.** The Middle Stone Age of Zambia, south central Africa. – Bristol: Western Academic and Specialist Press, 2000. – 306 p., 163 fig., 79 tab.
- Barham L.S.** Systematic pigment use in the Middle Pleistocene of south-central Africa // *Current Anthropology*. – 2002. – Vol. 43. – P. 181–190.
- Beaumont P.** The ancient pigment mines of southern Africa // *South African Journal of Science*. – 1973. – Vol. 69. – P. 140–146.
- Beaumont P.** Wonderwerk Cave // *Guide to archaeological sites in the Northern Cape* / Eds. P. Beaumont, D. Morris. – Kimberley: McGregor Museum, 1990. – P. 101–134.
- Beaumont P.** Wonderwerk Cave // *INQUA XV International Conference Field Guide: Northern Cape*. – Cape Town, 1999. – P. 27–31.
- Beaumont P., Boshier A.** Mining in southern Africa and the emergence of modern man // *Optima* – 1972. – № 22(1). – P. 2–12.
- Bednarik R.G.** Comment on Mania and Mania 1988 // *Rock Art Research*. – 1988. – Vol. 5. – P. 96–100.
- Bednarik R.G.** An Acheulian haematite pebble with striations // *Rock Art Research*. – 1990. – Vol. 7. – P. 75.
- Bednarik R.G.** Palaeoart and archaeological myths // *Cambridge Archaeological Journal*. – 1992. – Vol. 2(1). – P. 27–43.
- Bednarik R.G.** Palaeolithic art in India // *Man and Environment*. – 1993a. – Vol. 18(2). – P. 33–40.
- Bednarik R.G.** Die Bilzingslebener Gravierungen im Lichte altpaläolithischer Beweise kognitiver Fähigkeit // *Ethnographisch-archäologische Zeitschrift*. – 1993b. – Bd. 34. – S. 550–554.
- Bednarik R.G.** A taphonomy of palaeoart // *Antiquity*. – 1994a. – Vol. 68. – P. 68–74.
- Bednarik R.G.** The discrimination of rock markings // *Rock Art Research*. – 1994b. – Vol. 11. – P. 23–44.
- Bednarik R.G.** The Pleistocene art of Asia // *Journal of World Prehistory*. – 1994в. – Vol. 8(4). – P. 351–375.
- Bednarik R.G.** Art origins // *Anthropos*. – 1994г. – Vol. 89. – P. 169–180.
- Bednarik R.G.** Concept-mediated marking in the Lower Palaeolithic // *Current Anthropology*. – 1995. – Vol. 36. – P. 605–634.

- Bednarik R.G.** The earliest evidence of ocean navigation // *International Journal of Nautical Archaeology*.—1997a. — Vol. 26. — P. 183–191.
- Bednarik R.G.** The role of Pleistocene beads in documenting hominid cognition // *Rock Art Research*. — 1997b. — Vol. 14. — P. 27–43.
- Bednarik R.G.** The australopithecine cobble from Makapansgat, South Africa // *South African Archaeological Bulletin*. — 1998. — Vol. 53. — P. 3–8.
- Bednarik R.G.** Maritime navigation in the Lower and Middle Palaeolithic // *Comptes Rendus de l'Académie des Sciences Paris*. — 1999. — Vol. 328. — P. 559–563.
- Bednarik R.G.** Early Indian petroglyphs and their global context // *Purakala*. — 2000. — Vol. 11. — P. 37–47.
- Bednarik R.G.** The Early Indian Petroglyphs Project (EIP) // *Rock Art Research*. — 2001a. — Vol. 18. — P. 72.
- Bednarik R.G.** An Acheulian figurine from Morocco // *Rock Art Research*. — 2001b. — Vol. 18. — P. 115–116.
- Bednarik R.G.** Replicating the first known sea travel by humans: the Lower Pleistocene crossing of Lombok Strait // *Human Evolution*. — 2001c. — Vol. 16(3/4). — P. 229–242.
- Bednarik R.G.** An Acheulian palaeoart manuport from Morocco // *Rock Art Research*. — 2002. — Vol. 19. — P. 137–139.
- Bednarik R.G.** A figurine from the African Acheulian // *Current Anthropology*. — 2003a. — Vol. 44. — P. 403–413.
- Bednarik R.G.** The earliest evidence of palaeoart // *Rock Art Research*.—2003b. — Vol. 20. — P. 89–135.
- Bednarik R.G.** Middle Pleistocene beads and symbolism (in press (a)).
- Bednarik R.G.** The Middle Palaeolithic engravings from Oldisleben, Germany (in press (6)).
- Bednarik R. G., Kuckenburger M.** Nale Tasih: eine Floßfahrt in die Steinzeit. — Stuttgart: Thorbecke, 1999. — 239 S.
- Binneman J., Beaumont P.** Use-wear analysis of two Acheulean handaxes from Wonderwerk Cave, Northern Cape // *South African Field Archaeology*. — 1992. — Vol. 1. — P. 92–97.
- Bordes F.** Os percé mousterien et os gravé acheuléen du Pech de l'Azé II // *Quaternaria*. — 1969. — Vol. 11. — P. 1–5.
- Boucher de Perthes J.** Antiquités celtiques et antédiluviennes. — P.: J.-M. Place, 1846. — 628 p.
- Chase P.G., Dibble H.L.** Middle Palaeolithic symbolism: a review of current evidence and interpretations // *Journal of Anthropological Archaeology*. — 1987. — Vol. 6. — P. 263–296.
- Clark J.D.** Kalambo Falls prehistoric site. — Cambridge: Cambridge University Press, 1974. — Vol. 2. — 436 p.
- Clark J.D., Oakley K.P., Wells L.H., McClelland J.A.C.** New studies on Rhodesian man // *Journal of the Royal Anthropological Society*. — 1947. — Vol. 77. — P. 4–33.
- Clottes J., Chauvet J.-M., Brunel-Deschamps E., Hillaire C., Daugas J.-P., Arnold M., Cachier H., Evin J., Fortin P., Oberlin C., Tisnerat N., Valladas H.** Les peintures paléolithiques de la Grotte Chauvet-Pont d'Arc, à Vallon-Pont-d'Arc (Ardèche, France): datations directes et indirectes par la méthode du radiocarbone // *Comptes Rendus de l'Académie des Sciences de Paris*. — 1995. — Vol. 320. — P. 1133–1140.
- Crémades M.** L'expression graphique au paléolithique inférieur et moyen: l'exemple de l'Abri Suard (La Chaise-de-Vouthon, Charente) // *Bulletin de la Société Préhistorique Française*. — 1996. — Vol. 93(4). — P. 494–501.
- Dart R.A.** The waterworn australopithecine pebble of many faces from Makapansgat // *South African Journal of Science*. — 1974. — Vol. 70. — P. 167–169.
- Davidson I.** Bilzingsleben and early marking // *Rock Art Research*. — 1990. — Vol. 7. — P. 52–56.
- Davidson I., Noble W.** Two views of language origins // *Cambridge Archaeological Journal*. — 1998. — Vol. 8. — P. 82–88.
- d'Errico F., Gaillard C., Misra V.N.** Collection of non-utilitarian objects by Homo erectus in India // *Hominidae: Proceedings of the 2nd International Congress of Human Paleontology*. — Milan: Editoriale Jaca Book, 1989. — P. 237–239.
- d'Errico F., Henshilwood C., Nilssen P.** An engraved bone fragment from c. 70,000-year-old Middle Stone Age levels at Blombos Cave, South Africa: implications for the origin of symbolism and language // *Antiquity*. — 2001. — Vol. 75. — P. 309–318.
- d'Errico F., Nowell A.** A new look at the Berekhat Ram figurine: implications for the origins of symbolism // *Cambridge Archaeological Journal*. — 2000. — Vol. 10. — P. 123–167.
- Efremov J.A.** Taphonomy: a new branch of paleontology // *Pan American Geologist*. — 1940. — Vol. 74(2). — P. 81–93.
- Eitzman W.I.** Reminiscences of Makapansgat Limeworks and its bone-breccial layers // *South African Journal of Science*. — 1958. — Vol. 54. — P. 177–182.
- Feliks J.** The impact of fossils on the development of visual representation // *Rock Art Research*. — 1998. — Vol. 15. — P. 109–134.
- Foley R., Lahr M.M.** Mode 3 technologies and the evolution of modern humans // *Cambridge Archaeological Journal*. — 1997. — Vol. 7. — P. 3–36.
- Goren-Inbar N.** The lithic assemblages of Berekhat Ram Acheulian site, Golan Heights // *Paléorient*. — 1985. — Vol. 11. — P. 7–28.
- Goren-Inbar N.** A figurine from the Acheulian site of Berekhat Ram // *Mi'tekufat Ha'even*. — 1986. — Vol. 19. — P. 7–12.
- Goren-Inbar N., Lewy Z., Kislev M.E.** Bead-like fossils from an Acheulian occupation site, Israel // *Rock Art Research*. — 1991. — Vol. 8. — P. 133–136.
- Goren-Inbar N., Peltz S.** Additional remarks on the Berekhat Ram figurine // *Rock Art Research*. — 1995. — Vol. 12. — P. 131–132.
- Grün R., Beaumont P.** Border Cave revisited: a revised ESR chronology // *Journal of Human Evolution*. — 2001. — Vol. 40. — P. 467–482.
- Guide** to archaeological sites in the Northern Cape / Eds. P. Beaumont, D. Morris. — Kimberley: McGregor Museum, — 1990.
- Henshilwood C.S., d'Errico F., Yates R., Jacobs Z., Tribola C., Duller G.A.T., Mercier N., Sealy J.C., Valladas H., Watts I., Wintle A.G.** Emergence of modern human behaviour: Middle Stone Age engravings from South Africa // *Science*. — 2002. — Vol. 295. — P. 1278–1280.
- Henshilwood C.S., Sealy J.C., Yates R., Cruz-Urbe K., Goldberg P., Grine F.E., Klein R.G., Poggenpoel C., van Niekerk K., Watts I.** Blombos Cave, southern Cape, South Africa: preliminary report on the 1992–1999 excavations of the Middle Stone Age levels // *Journal of Archaeological Science*. — 2001. — Vol. 28. — P. 421–448.
- Hodgson D.** Art, perception and information processing: an evolutionary perspective // *Rock Art Research*. — 2000. — Vol. 17. — P. 3–34.

- Howell F.C.** Observations of the earlier phases of the European Lower Palaeolithic // *American Anthropologist*. – 1966. – Vol. 68(2). – P. 88–201.
- Imbrie J., Hays J.D., Martinson D.G., McIntyre A., Mix A.C., Marley J.J., Pisias N.G., Prell W.L., Shackleton N.J.** The orbital theory of Pleistocene climate: support from a revised chronology of the marine $\delta^{18}\text{O}$ record // *Milankovitch and climate* / Eds. A.L. Berger, J. Imbrie, J. Hays, G. Kukla and B. Saltzman. – Dordrecht: Reidel, 1984. – Pt. 1. – P. 269–305.
- Keeley L.H.** Experimental determination of stone tool uses. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 60 p.
- Kumar G.** Daraki-Chattan: a Palaeolithic cupule site in India // *Rock Art Research*. – 1996. – Vol. 13. – P. 38–46.
- Kumar G., Bednarik R.G., Watchman A., Roberts R.G., Lawson E., Patterson C.** 2002 progress report of the EIP Project // *Rock Art Research*. – 2003. – Vol. 20. – P. 70–71.
- Kumar G., Sharma M.** Petroglyph sites in Kalapahad and Ganesh Hill: documentation and observations // *Purakala*. – 1995. – Vol. 6. – P. 56–59.
- Laidler P.W.** Dating evidence concerning the Middle Stone Ages and a Capsio-Wilton culture, in the South-East Cape // *South African Journal of Science*. – 1933. – Vol. 30. – P. 530–542.
- Leakey L.S.B.** Recent discoveries at Olduvai Gorge, Tanganyika // *Nature*. – 1985. – Vol. 19. – P. 1099–1103.
- Leakey M.D.** Olduvai Gorge. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971. – Vol. 3: Excavations in Beds I and II, 1960–1963. – 306 + XXI p.
- Lumley H., de.** Les fouilles de Terra Amata à Nice. Premiers resultants // *Bulletin du Musée d'Anthropologie Préhistorique de Monaco*. – 1966. – Vol. 13. – P. 29–51.
- McBrearty S.** The Middle Pleistocene of East Africa // *Human roots: Africa and Asia in the Middle Pleistocene* / Eds. L. Barham, K. Robson-Brown. – Bristol: Western Academic and Specialist Press, 2001. – P. 81–92.
- Mania D.** The zonal division of the Lower Palaeolithic open-air site Bilzingsleben // *Anthropologie*. – 1991. – Vol. 29. – P. 17–24.
- Mania D., Mania U.** Deliberate engravings on bone artefacts of *Homo erectus* // *Rock Art Research*. – 1988. – Vol. 5. – P. 91–107.
- Marshack A.** The meander as a system: the analysis and recognition of iconographic units in Upper Palaeolithic compositions // *Form in indigenous art. Schematisation in the art of Aboriginal Australia and prehistoric Europe* / Ed. by P.J. Ucko. – Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1977. – P. 286–317.
- Marshack A.** On Paleolithic ochre and the early uses of color and symbol // *Current Anthropology*. – 1981. – Vol. 22. – P. 188–191.
- Marshack A.** A Middle Palaeolithic symbolic composition from the Golan Heights: the earliest known depictive image // *Current Anthropology*. – 1996. – Vol. 37. – P. 357–365.
- Marshack A.** The Berekhat Ram figurine: a late Acheulian carving from the Middle East // *Antiquity*. – 1997. – Vol. 71. – P. 327–337.
- Miller G.H., Beaumont P.B., Brooks A.S., Deacon H.J., Hare P.E., Jull A.J.T.** Earliest modern humans in South Africa dated by isoleucine epimerization in ostrich eggshell // *Quaternary Science Reviews*. – 1999. – Vol. 18. – P. 1537–1548.
- Moog F.** Paläolithische Freilandstation im Älteren Löß von Wyhlen (Amt Lörrach) // *Badische Fundberichte*. – 1939. – Bd. 15. – S. 36–52.
- Mottl M.** Die Repolust-Höhle bei Peggau (Steiermark) und ihre eiszeitlichen Bewohner // *Archaeologica Austriaca*. – 1951. – Vol. 8. – P. 1–78.
- Noble W., Davidson I.** Human evolution, language and mind: a psychological and archaeological inquiry. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 272 + XIII p.
- Oakley K.P.** Emergence of higher thought, 3.0–0.2 Ma B.P. // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*. – 1981. – Vol. B 292. – P. 205–211.
- Pei W.C.** Notice of the discovery of quartz and other stone artifacts in the Lower Pleistocene hominid-bearing sediments of the Choukoutien Cave deposits // *Bulletin of the Geological Society of China*. – 1931. – Vol. 11(2). – P. 109–146.
- Pelcin A.** A geological explanation for Berekhat Ram figurine // *Current Anthropology*. – 1994. – Vol. 35. – P. 674–675.
- Prestwich J.** On the occurrence of flint-implements, associated with the remains of extinct mammalia, on undisturbed beds of a late geological period // *Proceedings of the Royal Society of London*. – 1859. – Vol. 10. – P. 50–59.
- Smith W.G.** Man the primeval savage. – L.: Edward Stanford, 1894. – 361 p.
- Stapleton P., Hewitt J.** Stone implements from Howieson's Poort near Grahamstown // *South African Journal of Science*. – 1928. – Vol. 25. – P. 399–409.
- Steguweit J.** Intentionelle Schnittmarken auf Tierknochen von Bilzingsleben – Neue lasermikroskopische Untersuchungen // *Præhistoria Thuringica*. – 1999. – Bd. 3. – S. 64–79.
- Thévenin A.** Les civilisations du paléolithique intérieur en Alsace // *Le préhistoire française* / Ed. by H. de Lumley. – P.: Centre National de la Recherche Scientifique, 1976. – Vol. 1: Les civilisations paléolithiques et mésolithiques de la France. – P. 984–996.
- Valoch K.** The early Palaeolithic site Stránská skála I near Brno (Czechoslovakia) // *Anthropologie*. – 1987. – Vol. 25. – P. 125–142.
- Vishnyatsky L.B.** 'Running ahead of time' in the development of Palaeolithic industries // *Antiquity*. – 1994. – Vol. 68. – P. 134–140.
- Ziegert H.** Das neue Bild des Urmenschen // *Uni HH-Forschung: Wissenschaftsberichte aus der Universität Hamburg*. – Hamburg: Pressestelle der Universität. – 1995. – Bd. 30. – S. 9–12.

УДК 903.27

Г.П. Григорьев*Институт истории материальной культуры
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191065, Россия
E-mail: Grigoriev@GG11569:spb.edu*

**ЗАМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ Я.А. ШЕРА
“СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА”
(Археология, этнография и антропология Евразии. –
2004. – № 2 (18). – С. 36–52)**

Я.А. Шер взял на себя непосильную ношу – написать статью, в которой были бы поставлены основные вопросы, связанные с первобытным искусством. Указать на спорные вопросы ему, пожалуй, и вовсе не удалось. В его статье больше очевидного и бесспорного. Принимая во внимание это обстоятельство, следует признать статью Я.А. Шера интересной, постановку вопроса – широкой. Может быть, она излишне широка. Но иначе и нельзя было поступить, у каждого археолога (или историка) свой взгляд на то, что самое важное в первобытном искусстве. Термин “первобытное искусство” слишком широкий. Кажется, это понимает и автор статьи, но не догадывается, как близок он к мысли, что уже давно пора отделить искусство палеолита от искусства первобытных народов – то ли эпохи бронзы, то ли современных австралийцев. Может быть, это и будет первый спорный (для него) вопрос.

Понятие “первобытное искусство” включает в себя уж очень разные явления. Это и профессиональная роспись в пещере Шове, и кукла, на скорую руку сооруженная тунгусской женщиной по случаю. Вряд ли такая широта позволит найти закономерности развития и того, и другого. Широта автора статьи подкупает, но это обстоятельство одновременно приводит к несамостоятельности в постановке вопросов. А предложение чуть ли не приравнять первобытное искусство к фольклору уведет в направлении, противоположном ранее намеченному пути – различить палеолитическое искусство и искусство первобытных народов. Неспециалист всегда бывает обольщен знатоком искусства и литературы Древней Греции или

русского фольклора. А потом другие специалисты по фольклору, часто – узкие, указывают на грубые ошибки знатока русского фольклора. После прочтения статьи хочется узнать, а где, в какой области знаний Я.А. Шер известен как специалист, чтобы там ему и поверить в наибольшей степени. Когда же он рассуждает о характере труда до австралопитеков, о технике раскалывания камня и о прогрессе – ему трудно верить. Дело это узкоспециальное, и новые работы скорее указывают на большую сложность трудовых процессов, чем мы думали раньше.

Далее Я. А. Шер осторожно присоединяется к тем, пока немногочисленным, специалистам (чаще не в области искусства, а по совместительству), которые отказывают искусству древности чуть ли не до нового времени в праве быть искусством.

Если говорить о проблемах, касающихся именно искусства, то, конечно, на первом месте автором правильно поставлен вопрос об эволюции искусства и ее нормах. Его постановка может быть только в пределах, например, палеолита, о чем и идет сейчас оживленная дискуссия. Но экскурсы в искусство другого рода вряд ли помогут в решении этого вопроса. Я понимаю, что десять лет тому назад можно было говорить о мифопоэтических образах, сопоставлять Полифема и Лихо Одноглазое и думать, будто семантическая пара “бык – женщина” существует с верхнего палеолита до античности и позднее. Тогда нужно было ссылаться на Б.А. Рыбакова. Но теперь мода на это как будто прошла. Я не думаю, что колесо солнца на петроглифах сопоставимо с изображениями на прятках. Может, оно и так, но ведь методика ис-